

ПТИЦЫ — ЖИЗНЬ МОЯ

Во время передачи на Тверском телевидении ведущая «Кушать пода-но» Наталья Розенберг задала мне вопрос: «А кем Вы хотели стать в детстве?» Хорошо помню, что многие ребята из моего класса хотели получить «экзотические» профессии, вроде космонавта или штурмана дальнего плавания. Никто из них впоследствии не стал ни космонавтом, ни штурманом. Жизнь распорядилась по-своему — кто менеджером в банке работает, а кто и в ларьке торгует. Удивительно, но, сколько себя помню, я никогда не задавался вопросом о том, кем я буду. И не то, чтобы я жил сегодняшним днем — все мысли концентрировались на образах отдаленных уголков мира, их неизведанной природы. С увлечением рассматривал я рисунки томов «Жизни животных» Альфреда Брема, сохранившиеся в библиотеке предков с конца XIX века. Вообще недостатка в литературе подобного рода — о животных, о приключениях — у меня не было. Еще дед, Иван Иванович Зиновьев, учившийся на естественно-историческом факультете Калининского педагогического института, начал собирать ее. Страстный охотник, он передал это увлечение моему отцу, Валерию Ивановичу. Тот пошел дальше. Закончив тот же факультет, он углубился в научные исследования и стал со временем одним из ведущих орнитологов (специалистом по птицам) Советского Союза и мира. Библиотека значительно расширилась, вобрав в себя, помимо сугубо научных изданий, также популярные. Постоянное «общение» с этими

Иван Иванович Зиновьев
(1898—1976)

книгами, путешествия с отцом по чудесным просторам Калининского края как-то сами подвели меня к выбору дороги после окончания средней школы. Не задумываясь, а как бы естественно продолжая движение, начатое моими предками и мной в детстве, я поступил на химико-биологический факультет Калининского (позднее Тверского) государственного университета. Годы учебы, лишь однажды прерванные службой в Советской армии, помогли подвести под мое увлечение профессиональную основу. Выкристаллизовался интерес — заниматься, как и отец, птицами, но не только их настоящим, но и прошлым. Об исследованиях и реконструкции облика предков птиц и их древних, подчас еще зубатых форм, я расскажу в другом очерке. Здесь же хотелось поделиться несколькими яркими воспоминаниями о моем знакомстве с современными птицами в Юго-Восточной Азии.

Сидели мы как-то на Биологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова с моим учителем, профессором Феликсом Яновичем Держинским и его учеником, также профессором, Леонидом Петровичем Корзуном. Разговор зашел о вьетнамских исследованиях в рамках Российско-Вьетнамского тропического центра.

На оброненную мной фразу о желании поработать во Вьетнаме Леонид Петрович отозвался с энтузиазмом: «Поезжай хоть в ближайшее время!». Так, через месяц после памятного разговора, я оказался за тысячи километров от дома, в Юго-Восточной Азии. И не на короткий срок, а на целый год! А потом и еще на год. И считаю это большой удачей. Только на второй год пребывания в тропическом лесу я стал чувствовать себя там комфортно. Не в смысле быта и привыкания к жаре и большой влажности, но в смысле понимания этого леса. Если в средней полосе нашей страны, двигаясь по лесу, я представлял, кто, где и когда

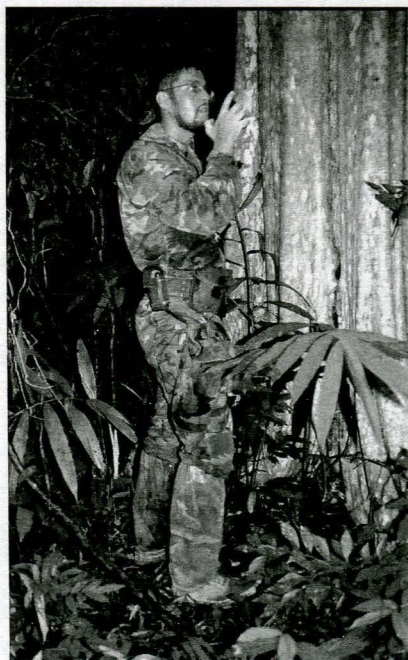

Валерий Иванович Зиновьев
(1937–1992)

может спеть или пискнуть, то в тропиках многое было для меня ново. На меня буквально обрушилось великое разнообразие пернатых тропиков Старого Света. Первый год я бегал, слушал, высматривал в бинокль, запоминал пение, записывал на магнитофон голоса. Магнитофон, кстати, очень помог. Движение в тропическом лесу, а точнее не в самом лесу, а в «окнах», оставшихся на месте выпавших гигантских деревьев, чрезвычайно затруднено из-за появления там густого подраста невысоких и подчас колючих деревьев, перевитых лианами. Вот в таком месте однажды мне удалось услышать пение птицы. По характеру и тембру вокализации я определил, что это — мелкая воробьиная птица. Но вот кто — это долго оставалось для меня загадкой. При моем приближении к зарослям птица умолкала или, переместившись на другую их сторону, снова начинала покрикивать, как бы дразня меня. Обойдя заросли, я слышал загадочного крикуна уже на обратной стороне зарослей, там, где только что стоял. Помог, как я уже сказал, магнитофон. В следующий приезд на место я захватил с собой небольшой карманный плеер и микрофон. Мой знакомый певец был на месте. Птицы обладают территориальностью и придерживаются ее в гнездовой период. Я записал крики птицы и проиграл их в ответ, в заросли. И что бы Вы думали? Певец — а это оказалась небольшая коричнево-серая птичка из рода тимелий, пятнистогрудая земляная тимелия — тут же выскочил ко мне. И не просто выскочил. Было забавно смотреть, как это маленькое существо напряглось и изготовилось дать отпор непрошенному нарушителю гнездовой территории. А потом, неожиданно для меня, тимелия запела. И свист был так похож на человека, насвистывающего какую-то мелодию, что я еще долго стоял пораженный. Позднее я только один раз слышал это пение издалека, пение, которое было исполнено в этот раз только для меня, как единственного слушателя в «концертном зале» храма природы.

Магнитофон оказался очень полезным приспособлением. Скоро для меня почти не осталось неизвестных птиц, которых насчитывается несколько сотен в лесах Юга Вьетнама. Я стал понимать лес, ожидать встречи в том или ином месте, того или иного вида. Но магнитофон продолжал носить, собирая коллекцию голосов. К сожалению, равнинные леса Юго-Восточной Азии исчезают с катастрофической быстротой под аграрным натиском человека. Поэтому записи и самые мельчайшие наблюдения могут оказаться ценными или даже последними для некоторых видов этого региона. Но пока не

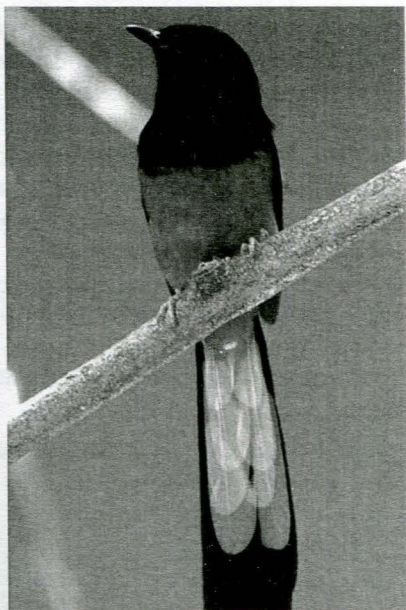
для белопоясничного дрозда-шамы. Эта небольшая птичка с рыжим брюшком, иссиня-черной головой и спиной, верхом и длинным хвостом еще широко распространена во Вьетнаме и соседних странах и охотно содержится в неволе. Вот для этой-то птицы мне не понадобилось магнитофона. Как-то, в полуденный зной, отдыхая в гамаке под пологом тропического леса, я заметил шаму, сидящую надо мной на ветке и исполняющую свою незамысловатую песенку, состоящую из чистой свистовой фразы. Не надеясь на успех, я просвистал песенку. Певец встрепенулся, перелетел на ветвь поближе ко мне; на меня уставился черный, размером с бусинку, глаз. Удача! Впоследствии я не раз привлекал шаму свистом. Мог стоять в лесу, где не было и следа этой птицы, но после свиста она появлялась откуда ни возьмись, садилась на ветку поблизости и пела в ответ. Такая «отзывчивость» шамы сделала ее одной из моих любимых птиц во Вьетнаме.

*Андрей Валерьевич Зиновьев,
автор очерка*

Были во Вьетнаме и незабываемые встречи с редкими птицами. Так, в заповеднике Кат Тьен на юге Вьетнама, где мне довелось работать на протяжении многих месяцев, обитает редчайший вид лесной курочки — давидова кустарниковая куропатка. Ее несколько раз отмечали на покрытых бамбуком холмах Кат Тьена, а также в сходных условиях в соседней Камбодже. У меня была редкая запись голоса этих птиц: куропатки данного рода исполняют песню целой стаей — из-за этого она поражает своей сложной динамикой и распространяется на большие расстояния. Путешествуя между холмами, я постоянно держал в голове редкое пение. Но не слышал его. Как-то раз, в полдень, когда солнце нещадно палило, я устроился на железной наблюдательной вышке,

установленной здесь для контроля за территорией парка. Гамак, натянутый мной между опорами наблюдательной площадки, мерно покачивался, убаюкивая. Что ни говори, в жарких странах нужна сиеста. Вдруг, сквозь дремоту, я услышал заветную песню. Стряхнув остатки сна, я убедился, что это — не игра моего воображения. Птицы кричали от подножия холма, находившегося метрах в пятистах от вышки. Схватив аппарат и магнитофон, я побежал на источник звука. Бамбуковые заросли на холме оказались густыми — мне пришлось буквально ползти по бурой голой почве под колкими стеблями. И, наконец, я увидел их. Отлично замаскированные под пестрый колер бамбуковых зарослей, птицы неспешно перемещались вдоль основания холма. И время от времени пели. Как замороженный смотрел я на редчайших птиц, исчезающих за хитросплетением бамбуковых стеблей. Последовать за ними не смог, не позволили размеры, а работа мачете* заставила птиц ретироваться еще быстрее. На память осталась фотография, где между стволиками видна пестрая спина курочки, да магнитофонная запись, теперь уже не чужая, а моя.

Белопоясничный шама-дрозд
(*Copsychus malabaricus*)

Здесь же, кстати, на зарастающих полях между холмами, мне довелось увидеть павлинов. Но не самцов, которые поражают своим зелено-голубым иридирующим оперением и роскошным хвостом, а самок, коричневатых и грузновато-неуклюжих. Они неожиданно взлетели передо мной из зарослей какой-то высокой травы и быстро приземлились между густых и колючих кустов. Так сформированный

* мачете — большой нож для расчистки леса.

в моей голове книжный образ павлина как обитателя глубин тропического леса развеялся. На самом деле птица эта придерживается тех мест, которые бы в нашем краю мы назвали неудобь — зарастающие вырубки, поля или их закраины, гари, покрытые временной растительностью ложа сезонно пересыхающих озер и речек. Тяготеют павлины, кстати, к похожим местам и в неволе, особенно в зоосадах, где им позволяется свободно разгуливать между посетителями.

Можно много повествовать о замечательных представителях птичьего мира тропиков — каждый из них по-своему интересен, от невзрачной серенькой тимелии до роскошного самца павлина. А потому чтение увлекательной «пернатой книги» природы никогда не может надоесть, в особенности если владеешь языком, на котором она написана...

Давидова кустарниковая
куропатка (*Arborophila davidi*)
на марке Вьетнама